

С.В. Тютюкин

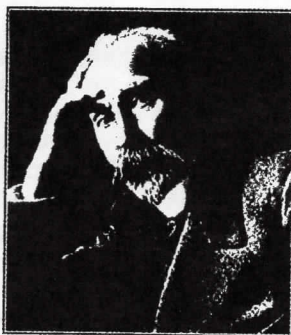
Революционер, мыслитель, политик (к 150-летию со дня рождения Г.В. Плеханова)

11 декабря 2006 г. исполняется 150 лет со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918) – выдающегося русского революционера, мыслителя и политика, оставившего заметный след в отечественной истории. Он вошел в нее как активный пропагандист сначала народнических, а затем марксистских идей, как один из основателей российской социал-демократии и видный деятель международного рабочего движения, выдающийся философ, социолог, историк, литературовед, блестящий оратор и публицист.

Это был незаурядный, щедро одаренный от природы и отшлифовавший свой талант путем самообразования и упорного, каждодневного труда человек со сложной и нелегкой судьбой. Он сполна познал тревожную романтику революционного подполья и наслаждение от творческого интеллектуального труда, горечь вынужденной 37-летней разлуки с родиной, нужду и болезни, потерю детей и друзей, драматические перипетии перехода от народничества к марксизму и ожесточенной внутрипартийной борьбы в РСДРП.

Социальный статус (сын мелкопоместного и многодетного дворянина) позволял Плеханову стать и верным слугой самодержавного режима, и его непримиримым противником. Однако общественная атмосфера 1870-х гг., гуманистическое влияние

матери, раннее соприкосновение с жизнью крестьян и фабричных рабочих толкнули Георгия Плеханова к революционерам-народникам. Затем ранняя и растянувшаяся на долгие годы эмиграция, возможно, спасая его от преждевременной гибели, безжалостно подрезала его рос-
сийские корни и лишила прочных связей с той социальной средой, служению которой он решил посвятить свою жизнь. Зрелые годы Плеханова пришлось на конец XIX в., когда демократическая и либеральная Россия еще только набирала силы для решительной борьбы с царизмом, а тяжелая болезнь (туберкулез) помешала ему встретить последую-

щий революционный подъем начала XX в. на родине в расцвете физических сил и обрел на то, чтобы в общем и целом быть скорее лишь наблюдателем происходящих событий.

Ситуацию еще более усложнял трудный характер Георгия Валентиновича. Смелость, решительность, здоровая амбициозность в сочетании с настоящей интеллектуальной мощью причудливо соединялись в нем с капризностью, мелочностью, подозрительностью и болезненным самолюбием, что сильно усложняло его отношения с В.И. Лениным, А.Н. Потресовым, А.А. Богдановым и другими руководителями РСДРП. Недаром в социал-демократической эмигрантской среде за Плехановым закрепилась характеристика «великого человека со множеством мелких недостатков». Сложными были отношения даже с такими ближайшими

Станислав Васильевич Тютюкин – доктор исторических наук, главный редактор журнала «Отечественная история», Москва.

его друзьями и единомышленниками, как В.И. Засулич и П.Б. Аксельрод.

Не приходится поэтому удивляться значительной противоречивости оценок деятельности Плеханова как при его жизни, так и после смерти. Раскол РСДРП в 1903 г. привел к тому, что обе враждующие фракции – большевики и меньшевики – безуспешно пытались «поделить» Плеханова, который никогда не был ни настоящим большевиком, ни «стопроцентным» меньшевиком и имел по многим принципиальным вопросам стратегии и тактики партии «особую» (выражение Ленина) позицию. Он периодически сближался и расходился то с большевиками, то с меньшевиками, с 1908 г. стал меньшевиком-«партийцем», а после возвращения из эмиграции весной 1917 г. вообще возглавил маленькую межфракционную социал-демократическую группу «Единство», которая официально уже не входила в состав отделившейся наконец от большевиков меньшевистской партии. Характерно, что большевики демонстративно отказались участвовать в похоронах Плеханова, вылившихся в плохо замаскированную антисоветскую акцию, хотя и не отказывались от признания его прежних заслуг перед революционным движением.

В советский период в биографии Плеханова выделяли как бы три части – народническую, революционно-марксистскую (1883–1903) и меньшевистскую, характеризую последнюю как его идейно-политическое «грехопадение», кульминацией которого стал период 1914–1918 гг. Из этих трех ипостасей Георгия Валентиновича коммунистам был особенно близок Плеханов времен группы «Освобождение труда», «Искры» и первых месяцев после II съезда РСДРП, когда он короткое время шел вместе с Лениным. При этом особенно ценились философские работы Плеханова и его книги «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изучение которых считалось обязательным для идейного становления каждого из молодых коммунистов. И.В. Сталин усилил критику Плеханова-меньшевика, однако в грозном 1941 г. назвал его вместе с Лениным и рядом других выдающихся сыновей

великой русской нации подлинным олицетворением ее силы и жизнестойкости. После XX съезда КПСС (1956) в оценках деятельности Плеханова вновь возобладал ленинский подход начала 1920-х гг. Наконец в постсоветский период о Плеханове как революционере и марксисте предпочитают замалчивать, представляя его мыслителем, серьезным оппонентом, а в конце жизни непримиримым обличителем большевизма и ленинизма, что позволило выделить его среди других деятелей русской революции, которых часто считают теперь чуть ли не врагами России.

Хотелось бы привлечь внимание читателей к вызывающему в последние годы повышенный интерес заключительному этапу жизни и деятельности Плеханова, о котором советская историография говорила более чем скупой и который однозначно трактовался до 1990-х гг. как период его оппортунистического перерождения. Но начать нужно с того, что для Плеханова революция как форма радикального обновления общественной жизни, вызывающая ныне у многих идеологическую аллергию, была вполне оправданным, прогрессивным и больше того – желанным социальным феноменом. Разочарование в реформаторских потенциях правительств Александра II, зажигательные примеры европейских революций XVIII – XIX вв. и неприязнь к либеральному словоговорению привели 20-летнего Георгия Плеханова в ряды революционных народников бакунинского толка. Консервативная политика Александра III и Николая II еще более укрепила его революционные настроения, а в 1905–1907 гг. Плеханов стал одним из марксистских идеологов Первой буржуазно-демократической революции в России, которая, по его мнению, должна была повторить принципиальную схему Великой французской революции конца XVIII в. Разница заключалась лишь в том, что рабочий класс и его политический лидер – РСДРП должны были сыграть теперь роль активного и решительного борца с самодержавным режимом, отдав тем не менее в случае успеха плоды победы народа в руки буржуазии.

Первая мировая война вызвала резкий перелом в настроениях Плеханова. Его по-

зияция в то время определялась двумя главными постулатами: 1) внешняя угроза вызывает смену классовой борьбы сотрудничеством классов и 2) поражения на фронтах мешают развитию революционного движения в стране. Жизнь доказала по меньшей мере спорность и того, и другого.

Правильно уловив тенденцию к ослаблению накала классовой борьбы перед лицом угрозы со стороны сильного внешнего врага, Плеханов тем не менее явно преувеличил степень этой угрозы и практически призвал пролетариат к временному мораторию на борьбу с царизмом и буржуазией. И даже тогда, когда осенью 1915 г., после ряда поражений русских войск и их отступления Плеханов вновь заговорил о революции в интересах победы над Германией, эта формула носила у него чисто декларативный характер и не представляла для правящего режима сколько-нибудь серьезной опасности. При этом он пытался изобрести рецепт некой «сухой воды», т.е. быстрого и безболезненного для ситуации на фронте государственного переворота, заменившего бы Николая II правительством блока либерально-демократических сил оборонческо-патриотической ориентации, не посягающих, однако, на основы буржуазного строя. Такая позиция оттолкнула от Плеханова не только большевиков, но и меньшевиков-интернационалистов, выступавших за скорейшее заключение всеобщего мира без аннексий и контрибуций, а также наиболее политизированную часть рабочих, которые не могли примириться с мыслью о необходимости временно «свернуть» лозунг классовой борьбы. В итоге после кратковременного спада забастовочного движения рабочих и волны крестьянских выступлений в начале войны протестное движение трудящихся масс в 1915–1916 гг. стало опять набирать силу, а революционеры активизировали свою антиправительственную деятельность. Вновь подняла голову либеральная оппозиция. Результатом слияния этих двух потоков освободительного движения стала Февральская демократическая революция 1917 г.

Свержение царизма открыло многим российским политэмигрантам дорогу на родину, и 31 марта Плеханов прибыл в Петроград. При этом после свержения Нико-

лая II его ультраоборонческие взгляды не претерпели сколько-нибудь заметных изменений. Наоборот, он считал священной патриотической задачей всех национально-прогрессивных сил России, включая рабочих, крестьян, интеллигенцию и буржуазию, продолжение войны до полной победы над врагом в союзе со странами Антанты. Обеспечить ее решение, по его мнению, могли только полная и практически безусловная поддержка Временного правительства и взаимные уступки буржуазии и помещиков, с одной стороны, и трудящихся масс — с другой. Именно в таком ключе выступал «отец русского марксизма» на страницах своей газеты «Единство» и на знаменитом московском Государственном совещании в августе 1917 г., не встречая, однако, реальной поддержки ни среди большинства меньшевиков и эсеров, ни среди куда более радикально настроенных трудящихся масс, требовавших немедленного прекращения войны, передачи земли крестьянам, а фабрик и заводов — рабочим.

Попытки Г.Е. Львова, А.Ф. Керенского и даже генерала Л.Г. Корнилова включить Плеханова в состав правительства, к чему он сам вроде бы тоже склонялся, считая это своим гражданским и революционным долгом, закончились безрезультатно. Дело в том, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, игравший в 1917 г. роль чуть ли не второй власти в России, отказался дать Георгию Валентиновичу свое «благословение» на участие в правительстве, поскольку он представлялся его лидерам слишком «буржуазным» и уже непопулярным в народе политиком, а заговор Корнилова в августе 1917 г. провалился. Впрочем, и участие Плеханова во Временном правительстве не изменило бы ситуацию в стране и вряд ли прибавило бы ему популярности. Скорее наоборот.

«Апрельские тезисы» Ленина, где был провозглашен курс на социалистическую революцию, Плеханов назвал бредом, а их автора считал целесообразным арестовать за подстрекательство к несвоевременному государственному перевороту, хотя и оговаривался, что у него нет фактов, которые свидетельствовали бы о связях лидера большевиков с германской разведкой. Основным аргументом Плеханова в споре с Лени-

ным был ортодоксально-марксистский взгляд на необходимость отказа от преждевременного установления диктатуры пролетариата, если для этого не созрели объективные (высокий уровень развития капитализма) и субъективные (достаточный уровень культуры и сознательность пролетариата) условия. Все учебники истории обошла потом крылатая формула Плеханова: «История не смогла еще в России той муки, из которой со временем будет испечен "пшеничный пирог социализма"».

Вопрос заключался лишь в том, захочет ли сам народ и претендовавшие на роль его руководителей революционеры-радикалы (большевики, левые эсеры и анархисты) смиренно ждать этого далекого будущего и сможет ли пока правительство Керенского, в здравый смысл которого все еще верил Плеханов, удержать в своих руках власть. Ведь обстановка хозяйственной разрухи и паралича государственного аппарата, а также нараставший с каждым месяцем девятый вал народного недовольства политической Временного правительства, на чем искусно играли большевики, заставляли усомниться в возможности развития событий в России по вроде бы совершенно разумному плехановскому сценарию.

В итоге налицо была настоящая трагедия Плеханова, обреченного на роль «отвергнутого пророка», через которого перешагнул тот самый народ, которому он более 40 лет верой и правдой служил на революционном поприще.

У Ленина же была своя, пусть не ортодоксальная, но ситуационно оправданная, как многие считали, логика политического поведения. Она состояла в том, чтобы ради скорейшего удовлетворения насущных нужд рабочих и крестьян и в расчете на назревающую мировую антиимпериалистическую революцию изменить прежние марксистские теоретические схемы, компенсировав недостаточную зрелость российского общества для перехода к социализму решительными действиями революционеров и немедленным захватом ими государственной власти. Пройдут годы, и Ленин выразит эту, видимо, давно вызревавшую у него мысль в известной предсмертной работе «О нашей революции».

Плеханову все это казалось чистейшим авантюризмом, бланкизмом, нечестивщиной и т.д., тогда как Ленин и его соратники объявляли новую стратегию большевизма творческим развитием марксистской теории в противовес догматизму и соглашательству оппортунистов II Интернационала, к числу которых они относили теперь и «отца русского марксизма». Жизнь показала, что позже коммунистам (а вместе с ними и народам России) пришлось дорого заплатить за свой ультрапарадикализм, но в далеком 1917 г. меньшевики и правые эсеры (левые шли тогда в блоке с большевиками) оказались бессильны перед быстро наращивавшими свои силы сторонниками Ленина. Затем в конце 1920-х гг. Сталин досрочно «свернул» нэп, который давал шансы хотя бы минимизировать издержки октябрьского прыжка большевиков в неизвестность, а позже он же и его преемники упустили и другие возможности разумно реформировать «советский социализм», подготовив тем самым его крушение в 1991 г. и распад СССР.

Можно почти с полной уверенностью сказать, что осенью 1917 г. ни Плеханов, ни все меньшевики и эсеры вместе взятые уже не могли сохранить власть Временного правительства. В стране разгоралось мощное антивоенное движение, армия на глазах разваливалась и не могла держать фронт, вновь нарастало стачечное движение в городах и крестьянские движения в деревне. В этих условиях никакие предостережения стоявшего уже на краю могилы Плеханова не могли изменить ситуацию. Поэтому ему вдвойне тяжело было умирать в маленьком финском санатории недалеко от красного Петрограда, мучительно размышляя о том, не слишком ли рано совершилась в России та антибуржуазная пролетарская революция, подготовке которой он отдал лучшие годы своей жизни.

Характерно, что этот мучительный внутренний диалог Плеханова со своей совестью получил сравнительно недавно весьма оригинальное продолжение, о котором нельзя не вспомнить в эти юбилейные дни. 30 ноября 1999 г. в «Независимой газете» появился сенсационный материал под названием «Политическое завещание. Последние мысли Г.В. Плеханова», якобы продиктованные им весной 1918 г. своему ста-

рому товарищу Л.Г. Дейчу с просьбой передать его гласности после свержения власти большевиков. Дальнейшая судьба «Завещания», изложенная вкратце в газете, напоминала настоящий детектив, причем публикация его была приурочена к очередным выборам в Государственную думу Российской Федерации и, несомненно, имела своей целью очередную дискредитацию КПРФ, на этот раз с помощью тех остатков авторитета Плеханова, которые сохранились еще у части российской интеллигенции.

Сделать это было тем проще, что о давних спорах Плеханова с Лениным и о его резкой критике первых шагов советской власти в 1917–1918 гг. читающей публике было известно и раньше, а в постсоветское время из спецхранов были извлечены и обнародованы многие весьма нелицеприятные высказывания «отца русского марксизма» по адресу большевиков, собранные в изданном в 1921 г. в Париже двухтомнике «Год на родине». К тому же оперативно проверить подлинность «Завещания» было довольно трудно, мнения специалистов по этому вопросу расходились и в конце концов конъюнктурные идеологические мотивы и неприязнь к коммунистам взяли у тогдашнего главного редактора «Независимой газеты» В.Т. Третьякова верх, хотя определенные сомнения относительно аутентичности текста «Завещания» у него и оставались.

Те, кто сочиняли за Плеханова его «Завещание», «развили» мысли Георгия Валентиновича 1917–1918 гг. в духе идеологии Социнтерна и работ западных советологов второй половины XX в. В уста «отца русского марксизма» они вложили мысль о том, что модернизированный и «гуманизированный» капитализм просуществует еще «как минимум столетие, а возможно, и не одно», что главной движущей силой общественного развития будет уже не рабочий класс, а интеллигенция и что большевики во главе с Лениным были утопистами-террористами, организовавшими настоящий геноцид собственного народа, а современные коммунисты мечтают якобы лишь оправдать и продолжить их преступные деяния.

В итоге Плеханов превращался в «Завещании» в законченного социал-реформиста бернштейнианского толка, хотя никаких при-

жизненных признаний подобного рода он, как известно, не делал. У нас нет, на мой взгляд, достаточных оснований для того, чтобы считать позицию Плеханова 1914–1918 гг. неким закономерным итогом его предшествующей идейной эволюции, а не результатом воздействия на него форсмажорной ситуации, созданной мировой войной и бурными социально-политическими потрясениями 1917 г. Напомним, что Плеханов допускал сотрудничество классов только на время войны, прямо заявив об этом во введении к первому тому «Истории русской общественной мысли», который вошел в свет как раз накануне нападения Германии на Россию.

История с этим мифическим «Завещанием» лишний раз свидетельствует о том, что имя Плеханова принадлежит не только истории. Подлинные, а не мнимые его труды доказывают, что он и сегодня с нами как убежденный демократ и сторонник социально ориентированного и защищающего интересы трудящихся государства, как борец за интересы народа и выдающийся просветитель, литературное наследие которого навсегда останется неотъемлемой частью русской национальной культуры. Актуальны и выступления Плеханова против политического терроризма, и его мысли о роли личности в истории, борьбе (и сотрудничестве в экстремальных ситуациях) различных общественных классов. Совсем иначе, чем прежде, воспринимаются сегодня плехановские высказывания о большом значении географической среды и природно-климатических факторов в жизни общества. Напомним также, что Плеханов был и одним из тех «русских европейцев», которые мечтали о скорейшем приобщении своей родины к благам мировой цивилизации, но никогда не отрекались от нашей истории и самобытности. Он всегда помнил, что Россия – великая страна, а ее народы достойны того, чтобы жить не хуже других, и должны активно отстаивать свои справедливые права.

Остановлюсь еще вкратце на небезынтесной для преподавателей истории теме «Плеханов и историческая наука». Не подлежит сомнению, что в марксистский период своей деятельности он был безусловным сторонником классово-формационного подхода к истории и исповедовал историче-

ский материализм, считая его единственно правильной методологической основой исторического знания. Этот взгляд был Плехановым поистине выстрадан и воспринимался им до конца жизни как аксиома. Вместе с тем, будучи знакомым с трудами многих отечественных и зарубежных историков немарксистского направления, он отнюдь не сбрасывал со счетов их научные достижения и открытия. В его знаменитой «Истории русской общественной мысли» имеются неоднократные ссылки, хотя часто и критические, на работы С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, А.С. Лаппо-Данилевского, М.С. Грушевского и других историков.

Стержневой линией отечественной истории Плеханов считал изживание Россией ряда характерных черт восточного деспотизма и приобщение ее к западноевропейской цивилизации. Важнейшими вехами на этом пути ему виделись реформы Петра I и Екатерины II, развитие российского капитализма, революция 1905–1907 гг. Движущими силами процесса европеизации России Плеханов видел имперское государство, буржуазию, интеллигенцию и пролетариат, а его противником – крестьянство, хотя в этой в целом верной картине было немало элементов упрощения, схематизма, идеализации рабочего класса и далеко не всегда оправданный акцент на «надсословности» самодержавия. Слабо улавливал Плеханов и тенденцию к историческому пробуждению Востока, что ставило под сомнение отождествление им «азиатчины» и социальной реакции.

Далеко не во всем можно согласиться и с плехановскими оценками роли личности в истории. Справедливо критикуя теорию «героев» и «толпы», он совершенно справедливо указывал, что в сфере политики успех выдающейся личности зависит от того, появилась ли она в нужное время и в нужном месте, стоит ли за ней сила государства, определенного общественного класса или партии, которые в конечном счете и делают из нее героя. Вместе с тем Плеханов считал, что отдельно взятая личность не может радикально изменить ход истории, но признавал, что в решающие моменты она может стать «страшной» силой. Гораздо больше простора

получает талантливая личность в сфере духовной жизни, где те или иные идеи и художественные достижения живут часто собственной, как бы отдельной от их творца жизнью, причем нередко получают объективную оценку уже после смерти не признанных при жизни ученых, художников, писателей и т.д. Вспомним хотя бы таких наших современников, как А.Д. Сахаров или А.И. Солженицын. Этот аспект рассматриваемой проблемы Плеханов принимал во внимание уже меньше, сосредоточившись в основном на более ясной для социологических обобщений сфере политики, хотя и здесь порой искусственно занижал возможности выдающихся личностей и их не только интеллектуальное, но и психологическое воздействие на рядовых людей. Не признавая так называемых «сверхчеловеков», Плеханов тем не менее чересчур раздвигал рамки зависимости великих или выдающихся людей от общественной среды. Тем не менее его взгляды по вопросу о роли личности в истории до сих пор не потеряли своего значения и продолжают давать пищу для ума все новых и новых поколений.

В заключение хотелось бы напомнить читателям журнала «Преподавание истории в школе», что, помимо ставшего уже, к сожалению, библиографической редкостью 24-томного собрания сочинений Г.В. Плеханова, издававшегося в 1920-е гг. под руководством Д.Б. Рязанова, существует гораздо более многотиражный пятитомник «Избранные философские произведения» Плеханов (вторая половина 1950-х гг.) и очень интересный трехтомник «Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова» (1970-е гг.). Из работ о Плеханове библиографического жанра можно назвать книгу М.Т. Иовчука и И.Н. Курбатовой «Плеханов» (серия ЖЗЛ, 1977), переводную работу американского историка С. Бэрона «Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма» (1998) и книгу автора этих строк «Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста» (1997). В Петербурге с 1928 г. работает Дом Г.В. Плеханова (ныне сектор Российской национальной библиотеки), а в Липецке – Дом-музей Г.В. Плеханова, где он бывал у матери в 1870-е гг.